

УДК 347.97/.99

СУВЕРЕНИТЕТ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ

С. Н. Хорунжий

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2014 г.

Аннотация: *рассматривается судебная власть как институциональный элемент правовой среды, системообразующая роль в которой определяется национальным суверенитетом; особая роль правосудия раскрывается через общеправовой принцип справедливости, основанный на духовных, нравственных и историко-юридических традициях нашего общества.*

Ключевые слова: *судебная власть, правовая среда, суверенитет, принцип справедливости, правосудие, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).*

Abstract: *in the present article judicial authority is considered as an institutional element of the legal environment the constitutive role in which is defined by the national sovereignty; the special role of justice reveals through the all-legal principle of justice based on spiritual, moral and historical and legal traditions of our society*

Key words: *judicial authority, legal environment, sovereignty, principle of justice, justice, European Court of Human Rights (ECtHR).*

Действующее законодательство и правоприменительная практика определяют правовое поведение субъектов соответствующей социальной системы, особенности складывающихся между ними юридических отношений, динамику их развития. В основе указанных процессов лежат духовные и нравственные принципы, правовые идеи и доктрины, идеалы частной и общественной жизни. Все это формирует соответствующую национальную правовую среду государства. История свидетельствует о многочисленных попытках поиска наиболее эффективных способов и инструментов в управлении публичной сферой, правовой регламентации жизни социума. Трансформируются общественно-юридические связи, уровень правопонимания, поведение личности и общности людей, понимание фундаментальных элементов права и основ государственного управления – сама правовая среда.

Интроспективный анализ политико-юридической категории «суверенитет» свидетельствует не только о богатых научно-правовых корнях, но и о длительной и многообразной истории его развития в качестве государственно-образующего явления публичной жизни. Начиная с толкования суверенитета как права суверена принимать решения об исключении общей, действовавшей ранее нормы, выходящей за пределы нормального

правопорядка (как это было в XVI–XVII вв.)¹, и заканчивая современным прочтением древнеримской сецессии (демонстративного выхода плебеев за черту города²) в современном миропорядке, когда суверенитет рассматривается как право на выход из состава государства. В период европейской глобализации, сопровождающейся передачей государствами части своих прав международным органам и организациям, предлагается, например, разграничивать государственный суверенитет и народный суверенитет³. Как видим, многообразие формулировок этого понятия, его содержание существенно меняются в зависимости от конкретной исторической эпохи и государственного устройства.

Возникновение суверенитета как политико-правовой идеи традиционно относится к Средним векам. М. Ориу выделял несколько этапов развития рассматриваемого понятия: 1) свойство власти (*potestas*), стоящей над другими (*suprema*); 2) суверенитет постепенно отделяется от личности короля и переходит к государству или к нации; происходит персонификация государства (нации); 3) суверенитет становится атрибутом государства – превращается в суверенную волю персонифицированного государства⁴.

В соответствии с Конституцией РФ суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении. Все это, по мнению Конституционного Суда РФ, представляет собой необходимые качественные признаки Российской Федерации как государства, характеризующие ее конституционно-правовой статус⁵.

¹ Как указывает И. А. Исаев, «общая теория права, начиная со Средневековья, изучала только роль “подтверждения законности власти”» (Исаев И. А. Карл Шмитт о господстве и суверенитете // История государства и права. 2013. № 2. С. 2–5).

² Первая сецессия (лат. *secessio*, от *secedo* – «ухожу»), согласно римской традиции, произошедшая в 494 г. до н.э., представляла собой форму протеста, борьбу плебеев с патрициями: уход из Рима плебеев, которые были основой массовой армии, оставлял город фактически без военной защиты. Такая форма «прямого волеизъявления» вряд ли соответствует современному пониманию сецессии, которая сближается скорее с сепаратизмом (лат. *separatus* – «отдельный»), чем с формами непосредственной демократии, использовавшимися при решении социально-политических задач древнеримского полиса (см., например: Кучуб Н. А. Римское право : учеб.-метод. пособие. Оренбург, 2006. С. 213). О причинах исключения права на сецессию в Конституции РФ и принципах кооперативного федерализма см.: Шахрай С. М. О Конституции : Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. С. 92–107.

³ См.: Худолей Д. М., Худолей К. М. К вопросу о понятии государственного суверенитета // Рос. юрид. журнал. 2012. № 2. С. 35–45. См. также: Жувенель Б. Власть : естественная теория ее возрастания. М., 2011. С. 344–346.

⁴ См.: Ориу М. Основы публичного права. М., 1928. С. 576.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5. Указанным постановлением Конституционный Суд РФ «в деле о суверенитете республик»

По нашему мнению, наиболее полное и комплексное понимание суверенитета предлагает Ю. А. Тихомиров. Ученый вводит новую категорию – «суверенитет права», выделяя внутренний и внешний аспекты суверенитета. Внутренний суверенитет права рассматривается неотделимо от такого понятия, как национальная правовая система (сформированная на основе тех или иных правовых идей и концепций, а также системы национального законодательства) в самом широком смысле. Сюда включается наличие собственной устойчивой практики правоприменения, а также юридических учреждений и механизмов судебной и иной защиты. Внешний аспект суверенитета «означает признание независимости государства в определении его внешней и внутренней политики, причем в последнем случае с учетом международных принципов общения стран, организаций и граждан»⁶.

Вариативность понимания суверенитета практически неисчерпаема, что подчеркивает актуальность этой проблемы и высокую важность решаемых в ее рамках вопросов.

Помимо публично-правовых отношений, суверенитет можно рассматривать с точки зрения функционирования механизмов принятия и исполнения решений. Эффективность государственного управления напрямую зависит от слаженной работы всех властных институтов, которая позволяет наилучшим образом решать возникающие в обществе и государстве проблемы, в том числе на международном уровне, получая внешнеполитическое признание.

Институциональная сторона суверенитета выступает одним из базовых элементов национальной правовой среды и отражает полноту законодательной, исполнительной и судебной власти на территории государства и независимость в международном общении. Указанная самостоятельность в деятельности органов государственной власти, их взаимодополнение, включая различные уровни контроля, в том числе судебного, за принимаемыми решениями, позволяет обеспечить реализацию подлинно национальных, суверенных интересов страны.

Несмотря на единство государственной власти и наличие системы сдержек и противовесов, судебная ветвь выполняет особую функцию. С одной стороны, она осуществляет правоприменительную деятельность, разрешая возникающие споры на основании действующего законодательства, а с другой – суд в отличие от исполнительно-распорядительной власти обладает достаточно широкими дискреционными полномочиями, выходящими за рамки чистого правоисполнения, присущего административной власти. Особая природа судебной власти, предполагающая законность судебного усмотрения, позволяет выйти за рамки узкого по-

разрешил конституционный дискурс о соотношении народного суверенитета, государственного суверенитета и национального суверенитета (см.: *Эбзеев Б. С.* Конституция, власть и свобода в России : опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 181–187).

⁶ *Тихомиров Ю. А.* Правовой суверенитет : сферы и гарантии // Журнал рос. права. 2013. № 3. С. 5–20.

зитивизма и руководствоваться фундаментальными, общепризнанными человеческими ценностями. Еще «римское правосознание» допускало, чтобы судья, опираясь на *принцип справедливости*, поступал вопреки *ius civile*, но в рамках права (*naturalis praescriptis*).

Как видим, правовая среда включает в себя не только сформулированные законодателем нормы позитивного права, но и правопонимание (в самом широком смысле слова), основанное на системе моральных, культурных и религиозных ценностях общества. Нередко указанные ценности, не сформулированные в нормах права, выступают, по сути, правовыми идеологемами, определяющими содержание правовой среды с изменяющимися на протяжении истории мировоззренческими установками.

Юридическая справедливость, которая возникла изначально как обязательный элемент всех исторических систем со слабой формализацией правовых категорий, по-прежнему остается фундаментом современной судебной системы. Высказывания Цицерона о том, что право состоит «из природы, закона, судебного решения, из справедливого и доброго и из соглашения»⁷, не теряют своей актуальности и в наши дни. Формула «право есть искусство доброго и справедливого»⁸ известна каждому исследователю правовых доктрин.

Обращаясь к истории, нетрудно заметить изменения, которые претерпевало, например, понятие «справедливость» в устах законодателя и судей на протяжении нескольких тысяч лет. Так, закон талиона (лат. *talionis*), устанавливающий возмездие, равное по силе преступлению («око за око, зуб за зуб»), во времена царя Хаммурапи воспринимался как справедливый, а решения, вынесенные на его основе, – законными. По мере изменения социально-политических условий изменяется и право: принцип талиона постепенно вытесняется уплатой пени (или возмещением в иной форме) в пользу потерпевшего, так называемой композицией (лат. «улаживание спора»)⁹.

Справедливость, являясь базовым элементом судебного решения, ограничивает возможность «проникновения» (заимствования и возможного замещения) норм, принципов и идей иностранных государств в национальную правовую среду. В этом смысле судебная власть приобретает совершенно иные черты¹⁰ и представляет собой выражение не только процедурной самостоятельности при вынесении решения по

⁷ Цит. по: *Кюфанов Л. Л.* Lex и ius : возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. С. 180–181.

⁸ Цельс: Д.1.1.1.

⁹ В Русской правде в качестве композиции выступала, например, вира или головничество; в Варварских правдах (Вестготская правда, Бургундская правда, Салическая правда и др.) – вергельд.

¹⁰ Достаточно посмотреть на словообразование «суд», «правда», «справедливость»: суд – лат. *judicium, jus*; справедливость, справедливый – лат. *justitia, justus*. См. также: Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2001. С. 789–792 ; *Сенякин Н. Н.* Правосудие и нравственные основы его осуществления // Рос. юрид. доктрина в XXI в. 2001. С. 115–117.

делу, но и подлинной независимости национальной власти в международных делах.

В нормах международного права, являющихся составной частью правовой системы России (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), принцип справедливости встречается достаточно часто. Так, в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывается, что «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела...»¹¹.

Отметим также, что в международном праве принцип справедливости рассматривается не столько как правовая, сколько как философская категория «морально-правового и социально-политического сознания, оценивающая общественную деятельность с точки зрения должностования»¹². Это вполне понятно, учитывая, что справедливость выступает условием существования других ценностей, поэтому такая «надправовая» категория имеет не только юридико-теоретическое значение, но и практическую ценность: «справедливые» решения пользуются авторитетом и уважением, что в конечном счете обеспечивает их исполнение.

В постановлениях Конституционного Суда РФ неоднократно подчеркивалась общеправовая природа принципа справедливости, а также необходимость соблюдения его судом при рассмотрении дел и вынесении решений¹³.

Интенсивное развитие международных наднациональных институтов, происходящее на фоне глобализации, сопровождается активной имплементацией международных юридических норм и правил. Для развития законодательства это вполне объективный и понятный процесс, целью которого является установление общих для всех его участников легитимных процедур. Однако для национального судопроизводства с точки зрения сохранения его самостоятельности такая тенденция может приобретать совершенно иное, не наблюдаемое прежде звучание. Трансформация одних элементов государственного устройства влечет за собой

¹¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 1. Аналогичные нормы содержатся, например, в ст. 6 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : заключена в г. Минске 26 мая 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 13. Ст. 1489. См. также: Венская декларация и программа действий : заключена в г. Вене 25 июня 1993 г. на 2-й Всемирной конференции по правам человека // Международное публичное право : сб. документов. М., 1996. Т. 1. С. 521–540 ; Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. ; О гражданских и политических правах : международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1994. № 12 ; Хартия прав человека. Всеобщая декларация прав человека // Рос. газета. 1995. 5 апр. ; Устав Организации Объединенных Наций и др.

¹² Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. С. 651.

¹³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 50. Ст. 6669.

изменение всей системы управления: инкорпорируя нормы международного права, мы изменяем и практику рассмотрения споров по ним.

В результате возросшая роль международных институтов, в частности Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), предоставляет ему полномочия, которые граничат с независимой национальной властью суда как самостоятельного публично-правового института конкретного государства. При таких обстоятельствах судебная власть становится институциональным элементом правовой среды, обеспечивающим государственную независимость в межгосударственных отношениях.

Не отрицая важной положительной роли ЕСПЧ в защите фундаментальных общечеловеческих ценностей, полагаем, что современная практика судопроизводства ЕСПЧ пестрит множеством решений, требующих «преодоления» вынесенных ранее и вступивших в законную силу решений национальных судов. Основанием для подобного пересмотра выступают часто не факты прямого нарушения общепризнанных норм и правил, а юридико-культурологические расхождения в толкованиях базовых категорий, прежде всего справедливости.

Не перечисляя примеры некорректного (порой деструктивного) воздействия на национальную систему правосудия и законодательства, укажем пример, достойный подражания, продемонстрированный Федеральным конституционным судом Германии (далее – ФКС) в защиту национально-законодательного и институционального судебного суверенитета.

ФКС рассмотрел вопрос о том, обладает ли постановление Европейского суда по правам человека такой юридической силой, которая отменяла бы окончательные и вступившие в законную силу постановления германских судов. Согласно правовой позиции ФКС, сформулированной в его ответе на этот вопрос, «основной закон имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но он не предусматривает отказа от суверенитета, закрепленного прежде всего в германской конституции. Следовательно, не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель, в порядке исключения, не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов»¹⁴.

2014. № 2

78

По мнению председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, указанный прецедент конструктивен, поскольку опирается на конституционный принцип государственного суверенитета и принцип верховенства Конституции в системе нормативных правовых актов государства. Конституция РФ в ст. 15 действительно устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями самой Конституции. Поэтому Конституция РФ, устанавливая принципы государственного суверенитета и верховенства Основного закона в правовой системе России, превосходит юридическую силу, например Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁵.

¹⁴ Цит. по: Зорькин В. Предел уступчивости // Рос. газета. 2010. № 5325 (246).

¹⁵ См.: Там же.

Не принимая во внимание политико-юридические аспекты конкурирования судебного суверенитета, постараемся посмотреть в корень проблемы: какие принципы положены в основу легитимного, т.е. признаваемого социумом и государством законного (легального) и справедливого решения?

Перечень общепризнанных юридических постулатов сформулирован в международных актах. Всеобщая декларация прав человека, принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, равных и неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира, провозглашает целый ряд фундаментальных общечеловеческих прав и свобод. Гуманность и всеобщая значимость декретированных в Декларации норм не вызывает никаких возражений, кроме одного, касающегося цивилизационно-культурологической и конкретно-исторической обусловленности провозглашенных в ней положений.

В свое время социолог, этнограф и культуролог К. Леви-Стросс указал на одно опасное заблуждение, которым он считал формулу ложного эволюционизма, «когда различные одновременно существующие состояния человеческих обществ трактуются как разные стадии, или шаги, единого процесса развития, движущегося к одной и той же цели»¹⁶. Такой подход приводит к фундаментальной ошибке в сравнении различных цивилизаций как проходящих определенный единый для всех путь. Напротив, принципиальное различие архаических европейских и так называемых примитивных обществ состоит не в том, что они не развивались, а в том, что история их развития не сопровождалась кумуляцией изобретений, а ориентировалась на сохранение изначальных способов установления связи с природой¹⁷. Развитие человеческого общества не эквивалентно техническому прогрессу, но обязательно включает в себя мировоззренческие аспекты духовного воспитания. В этом смысле справедливость, бесспорно, является наднациональной, внеисторической категорией, однако ее содержание с исторической очевидностью имеет темпоральные, государственные и социокультурные границы.

Выдающийся ученый Фр. фон Хайек, рассматривая соотношение права и справедливости, подверг критике идеологов правового позитивизма, которые ставили знак равенства между законом и справедливостью. Он подводит к мысли об антропоморфности данной категории. «Строго говоря, – писал Фр. фон Хайек, – справедливым или несправедливым можно назвать только поведение человека; в отношении вещей этот термин будет иметь смысл лишь в том случае, если мы считаем кого-то ответственным за сделанное или случившееся»¹⁸.

¹⁶ Цит. по: *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М., 1994. С. 5.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ Учение позитивистов о том, что законодатель является творцом справедливости, привело, по мнению ученого, к дискредитации самой концепции справедливости (см.: *Хайек Фр. фон.* Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 199, 213–221).

Устойчивость юридического статуса субъекта права обеспечивается соотношением декларированных прав, с одной стороны, и возможностью реализовать эти права – с другой, т.е. обязанностью соответствующих лиц и институтов обеспечить реализацию упомянутых прав. В этом смысле и общество, и государство обязаны быть готовыми к предоставлению декларированных благ как с точки зрения мировоззренческой, так и сугубо практической. Вряд ли древняя Спарта, исполняя волю законодателя Ликурга о полном исключении из оборота золота и серебра, смогла бы оставаться великим государством на протяжении почти 500 лет, если этот правитель не предусмотрел бы соответствующих – демократических – мер, обеспечивших благоденствие своих граждан¹⁹. Без учета конкретных исторических обстоятельств не менее сложно будет также объяснить причины, по которым в русском законодательстве состав такого должностного преступления, как посул (взятка), появился в 1467 г. (в Псковской судной грамоте), а санкция за него была предусмотрена спустя почти 100 лет – в царском Судебнике 1550 г. Если не принимать во внимание сложившуюся в тот период систему кормлений, которая лежала в основе механизма государственного и муниципального управления, всякое объяснение будет узким и неполным.

Подобные обстоятельства общественной жизни находят свое объективное историческое отражение в виде соответствующих норм действующего законодательства и судебной практики. Вместе с тем возникают новые, глубоко дискуссионные вопросы, при решении которых трудно найти всеобщий консенсус, например вопросы смертной казни или эвтаназии. Так, если говорить о последней, то стремительное технологическое развитие поставило перед социумом вопросы, которые вышли за пределы прежних гуманистических норм, существовавших длительное время. Право на жизнь стало толковаться с позиции права на самоопределение ее продолжительности, а справедливость бытия приобрела совершенно иной моральный аспект. Очевидно, что такие вопросы в современном виде прежде перед обществом не возникали, и использовать для их решения существующие нормы так же неприемлемо, как неприемлемо применять законы военного времени в мирный период, и наоборот.

Рецепты и решения, привносимые извне, из юридических культур другого типа и находящиеся на других стадиях развития, могут иметь неблагоприятные последствия. При этих обстоятельствах именно суверенитет власти позволяет обеспечить стабильность развития общества и государства. Государственно-публичные институты выступают в роли соответствующих инструментов в этой работе, выбирая именно те правила справедливого поведения, которые, как пишет Фр. фон Хайек, «служат предотвращению конфликтов и облегчению сотрудничества, устраняя некоторые источники неопределенности»²⁰.

¹⁹ См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М., 2008.

²⁰ *Хайек Фр. фон*. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 206–207. Ученый выводит соответствующее толкование концепции «справедливость» как

Именно здесь наиболее актуальна потребность в профессиональной и независимой квалификации предметной деятельности человека, обеспечение которой возложено на суд. Однако независимость суда не означает его независимости от закона, напротив, судебное решение максимально связано требованиями действующего законодательства²¹. В противном случае вынесенное судом решение, вместо того чтобы сохранять упорядоченность существующих правоотношений, может ее разрушить.

Справедливость выносимых судом решений достигается в том числе благодаря юридическому статусу суда как самостоятельного, независимо-го органа государственной власти, способного не только оценить конкретные нормы и требования действующего национального и международного законодательства, но и достигнуть основной цели судопроизводства в виде поддержания существующего порядка действий. Конституционный Суд РФ отмечал, что конституционный принцип правового государства возлагает на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, что предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому защиту его прав и свобод со стороны государства. Поэтому «правосудие как важнейший элемент данного правопорядка по самой своей сути является таковым, если обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах»²².

Судебная власть, правосудие играют определяющую роль в формировании доверия со стороны общества к власти. Поэтому, отмечает В. Д. Зорькин, и в правотворчестве, и в правоприменении «необходимо бережно учитывать и использовать те сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой моральной регулятивности, которые хоть как-то восполняют недостаточную эффективность законодательного правового регулирования»²³.

Изложенные выше примеры и юридически объективированные судебные позиции свидетельствуют о тесной связи правопорядка с господствующей в конкретном обществе и государстве концепцией справедливости. Вероятно, сторонники «открытого общества» найдут множество аргумен-

принципа равного и беспристрастного применения правил: оценка действий в соответствии с правилами, а не с результатами. Вероятно, по аналогии с определением «справедливость», данным Ульпианом: *est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi* («постоянная и неизменная воля воздавать каждому свое»).

²¹ Провозглашаемые судом правила «должны заполнять лакуны в совокупности уже принятых правил таким образом, чтобы поддерживать и совершенствовать тот порядок, который оказался возможным благодаря уже принятым правилам»; если же «не удастся вывести решение из признанных правил, оно тем не менее должно быть совместимо с существующей совокупностью правил в том смысле, что должно служить тому же порядку действий» (*Хайек Фр. фон.* Указ. соч. С. 118, 134).

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2013. № 6.

²³ Российская Конституция : первые 20 лет : цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 39.

тов против «национализации» справедливости, однако даже самые яростные его апологеты и авторы (например, К. Поппер²⁴) не отрицают гармонизирующей роли национальной власти в установлении правопорядка в конкретном государстве.

Не следует также забывать об объективных исторических различиях, присущих разным этапам формирования и развития соответствующих государств и их институтов. Положительные примеры самоорганизации законодателя и судов через понимание им существа *nomos* (закон свободы) Фр. фон Хайека в рамках классической идеи децентрализации власти вряд ли смогут объяснить хотя и близкую, но все же иную природу государственной власти Соединенных Штатов Америки, где отцы-основатели не доверяли сильной единоличной власти, поэтому «государственные и общественные институты преднамеренно (были. – С. Х.) задуманы для ослабления или уменьшения влияния государственной власти»²⁵.

В связи с этим отдельного внимания заслуживают выводы американского философа и политического экономиста Ф. Фукуямы, сформулированные им по результатам исследования проблем построения современного сильного государства. В частности, ученый отметил, что в течение нескольких десятков лет ведущей тенденцией в мировой политике было ослабление государственности, уменьшение доли государственного сектора и обращение к рынку или к функциям гражданского общества. Однако рост мировой экономики привел к разрушению автономии суверенных национальных государств за счет возрастания скорости обмена информацией и повышения мобильности капитала. Поэтому, делает заключение исследователь, те, кто выступает за «сумерки государственности», должны прежде объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире: «на самом деле эту пропасть заполнило разношерстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп и так далее, которые могут обладать в определенной степени властью и легитимностью, но редко тем и другим сразу. За неимением ясного ответа нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным»²⁶.

2014. № 2

²⁴ Полемизуя с Платоном и критикуя его идею тоталитарной справедливости как того, что действует «в интересах лучшего государства», К. Поппер указывает на распространенное в обществе и поддерживаемое им понимание государственной справедливости: а) различные ограничения свободы, которые необходимы в общественной жизни; б) равенство перед законом; в) беспристрастность законов по отношению к группам и классам граждан; г) справедливый суд; д) равное распределение преимуществ (см.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1 : Чары Платона. С. 126).

²⁵ Lipset, Seymour Martin. American Exceptionalism : A Double-Edged Sword. New York, 1995. P. 39. См. также: Фукуяма Ф. Сильное государство : управление и мировой порядок в XXI веке : [пер. с англ.]. М., 2006. С. 8.

²⁶ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 67. См. также: Evans, Peter B. The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization // World Politics. 1997. № 50. P. 71.

Безусловно, недопустимо отрицать взаимную зависимость существующих национальных правовых систем и положительную роль имплементации международно-правовых норм. Истории известно множество негативных примеров консервации правовой среды. В этом смысле приоритетом должно стать утверждение системы собственных правовых ценностей, создание и широкая пропаганда общегосударственных идеологических принципов, включающих систему ориентиров для личности, социальных групп и общества в целом в правовых стандартах, правовых оценках, обеспечивающих формирование правовых установок. Благодаря укреплению внутрисистемных связей и обеспечению единства правовой среды, преодоление «разновекторности» развития отдельных ее сегментов, можно будет преодолеть негативное влияние глобализации в политике, экономике, идеологии, культуре, обеспечить гармоничную корреляцию правовой среды с системой государственных интересов, приоритетами и направлениями государственной политики, а имплементация международных норм не будет рассматриваться как посягательство на национальный суверенитет и независимость судебной власти.

Воронежский государственный университет

*Хорунжий С. Н., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса
E-mail: snhor@vsnoblduma.ru
Тел.: 8(473) 277-83-94*

Voronezh State University

*Khorunzhy S. N., Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Civil Law and Process Department
E-mail: snhor@vsnoblduma.ru
Tel.: 8(473) 277-83-94*